

...Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле зазеленелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей ...

(«Звезда полей»)

Красный Север. — Вологда. — 2006. — 9 февр.

Н. Н. Шантаренков

Кировские и московские встречи с Николаем Рубцовым

(Из выступления на вечере Московского Рубцовского центра
в ДК «Красный Октябрь» 18 марта 2003 года)

В 1953 году я поехал в Кировск поступать в горно-химический техникум. Кировск расположен в долине. Со всех сторон подступают горы — Хибины. Город казался маленьким, а горы высокими. 1 сентября пошли на занятия. Прохожу мимо каких-то конструкций. За ними вижу спортплощадку. Ребята играют в волейбол. Там среди мальчишек ладный такой морячок. Хорошо играет. Берёт мячи. Прихожу потом на занятия. Сел на одну заднюю скамью, на «камчатке». А недалеко сел этот морячок. И такой улыбочивый. Подтрунивает над преподавателями. Выяснили, кто это. Фамилия Рубцов. Приехал после тралфлота. До этого учился в лесном техникуме.

С ним было легко. Располагал к себе. Писал эпиграммы на преподавателей. Ребята были к нему расположены. А преподаватели не очень. Эпиграммы были незлобные, но подковыристые.

Оказались мы с ним в одной комнате в общежитии. Это был старый дощатый барак, засыпан опилками между досками стен. Сделан в 30-е годы. Топили печь раз в неделю, по выходным. В комнате было 12 человек. Спали иногда, положив матрасы на себя.

Коля предложил купить гармонь: «Давайте сложимся». Никто не играл тогда. Уговорил. Сказал, что, кто не умеет, учиться будут. Коля песен знал много. Играл морские песни. Мы подпевали.

После первого курса он поехал летом на заработки, куда-то в Киргизию. Билеты не покупал. Денег не было. Говорил: «4 дня еду, играю в карты с проводником. И он не догадывается, что еду без билета». На 2-м курсе у него интерес к учёбе стал пропадать. А мы чувствовали, что он талантливый. Черчения много было в техникуме. Планы топографические составлять надо было. Коля чертил изящно, в карандаше, но оставлял часто с недоделками. Под конец семестра перестал ходить на занятия. Просиживал дни в библиотеке. Вечером писал в тетрадке стихи. После 1-го семестра 2-го курса его отчислили. Мы думали, что за неуспеваемость. А он не хотел в этом техникуме учиться. Маргарита Ивановна Лагунова (преподаватель литературы — выпускница Ленинградского университета) его защищала. Читала нам Колино сочинение.

С нами он вёл многоплановые разговоры о жизни, о любви. Но ничего не говорил о своём быте. И куда поехал из Кировска, не сказал. Тетрадку свою со стихами хранил. За два дня до отъезда мы сидели в комнате. Я на прощанье пошёл в магазин. А Коля в это время написал стихи. Когда мы встретились в Москве через 10 с лишним лет, я показал ему эти стихи. Коля Рубцов хотел их взять, доработать. Но я не стал отдавать, сославшись, что их потом не получу. Так они и остались без изменений. Называются они «Прощальные стихи» (два фрагмента, которые прочитал Н. Шантаренков, приведены ниже):

Зима глухая бродит по дорогам,
И вьюга злая жалобно скулит...
Я уйду до времени и срока,
Как мне судьба постылая велит.

* * *

Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор пристанища мне нет...
Есть в мире этом страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!

.....

Написал Коля несколько страниц и бисерным почерком, без единой помарки. Увлекался он одно время Робертом Бернсом. Под него как бы писал.

В Москве целую неделю жил у меня. Но чувствовал себя неловко. Он был очень шепетильный и очень благодарный. Если ему кто-то сделал хорошее, он всегда отвечал. Когда я приходил домой, он начинал как бы отчитываться, что сделал, что не напрасно, мол, живёт у меня. Жаль, что я не записывал его высказывания о поэзии. Когда он узнал, что я закончил театральный, он мне раскрывал свою творческую «кухню». Увлекался очень Ф. Тютчевым и Л. Толстым.

Первый сборник «Звезда полей» мы вместе носили в редакцию «Советский писатель». Он ночевал тогда у меня. Коля оставил мне 2-й экземпляр. Через два месяца он звонит мне. А я работал тогда в редакции журнала «Искусство». Его четыре стихотворения шли у нас в журнале. Коля попросил поправить строку из стихотворения «В горнице». Стояло в тексте:

Красные цветы мои
В садике завяли все.

А Коля сказал, чтобы я внёс исправление:

Ранние стихи мои
К вечеру завяли все.

Я сказал, что внесу исправление. Так и сделали. Я потом подумал, почему такая спешка. Оказывается, что Коля хотел внести это исправление в сборник в «Советском писателе». Но ему, видимо, отказали. И в его «Звезде полей» остался первый вариант. А оба издания были подписаны в один день 9 февраля 1967 года. Николай Рубцов всё время искал лучший вариант, пока не находил его.

В Кировск Рубцов приехал после тралфлота. Море его тянуло. Тяжёлая работа. Но он оттуда пришёл очень физически крепким. Мы были хлипкие, дети, пацаны ещё. А Коля стоял широкоплечий. Любил всех нас, как младших братьев. У него мускулатура была, бицепсы. На занятиях надо было поднять с пола обеими руками две двухпудовки. Мы не могли. А он поднимал. В Москве я работал в области культуры. Однажды мне коллега говорит о друге Рубцове. Потом он привёл Колю.

Н. Н. Шантаренков

Больше 10 лет прошло. Он меня узнал. И я его. Он лысый уже стал. Такой с виду невзрачный. Он не любил Кировский период. Говорил, что там была только одна хорошая женщина (это Лагунова М. И.). Пришли ко мне домой. Нашли гитару у соседей. Разбитая такая. Настроили её. Коля пел песни. Это уже новая страница была у нас в общении. Я следил за его стихами в журналах.

Публикуется по рукописи.

Любому встречному желайте
Иметь успех!
К желанной цели поспешите!
Как злую тень
К чертям на кладбище гоните
Тоску и лень!

1955 г., январь

Кировский рабочий. — Кировск. — 2008. — 17 янв.

Воспоминания и письмо М. И. Лагуновой

Свои воспоминания о Николае Рубцове хотела бы предварить, чтобы читатель к ним отнёсся благосклоннее. Представьте меня в то время: первый год после университета (ЛГУ). Я — совсем не педагог, я — филолог, и сразу — десять групп первого курса Кировского горного техникума в связи с тем, что прежний преподаватель русского языка и литературы Николай Михайлович Иванов (замечательная личность!), который проработал со дня основания техникума, собирается уезжать в Ленинград. Нагрузка было довольно ощутимой, как на заводе. Прибавьте ещё очень тяжёлый климат Заполярья, особенно вначале.

Первое яркое впечатление о Рубцове я получила, прочтя его домашнее сочинение на тему «Мой родной край», которое писали все группы первого курса. Рубцов сдал толстую тетрадку (24 листа). Сочинение было замечательное! Казалось, что он писал с радостью, с удовольствием, как будто давно хотел рассказать о своём родном крае.

И ведь впоследствии это стало темой всего его творчества, всей жизни.

В тетради было много рисунков — по полстраницы, цветными карандашами — в основном пейзажи: река, деревья на берегу, дорога в лесу, домики на холме, деревенская улица, дорога с горы — все с настроением, очень красиво. И что ещё обращало внимание — в сочинении никаких ошибок, твердый сложившийся почерк.

Рубцов был постарше многих в группе (хотя учились студенты и старше его, после армии) и прошёл нелёгкую школу жизни. Одна

М. И. Лагунова

Группа, в которой учился Н. Рубцов с 1952—1953 гг., 4 курс, 1957 г.
Во втором ряду в центре классный руководитель М. И. Лагунова

работа помощникам кочегара на судне чего стоила! Он был вполне сложившейся личностью, самодостаточной, имел определённые взгляды на разные вещи. Не был он «тихим, скромным мальчиком», как писал о нём кто-то из поэтов, Живая душа, живые глаза, несколько ироничное отношение ко всему вокруг. Ему была присуща, я бы сказала, добродушная ирония. Она проявлялась по разным поводам. Это могли быть замечания о сокурсниках или по теме урока, или, как тогда было принято, — на политинформации или беседах в общежитии.

Как пример из того, что запомнилось. На уроке литературы я зачитываю отрывок, в котором автор описывает лица людей. Трудно вспомнить точно, но приблизительно так: среди гуляющих встречались и такие лица, и сякие, и другие, и даже такие крохотные, что их можно было спрятать в дамский ридикюль. Рубцов замечает: «Ну, если в такой ридикюль, как у вас, Маргарита Ивановна, то это ещё ничего». А на столе лежал мой большой «ридикюль» зелёной кожи, который, когда был раскрыт, напоминал пасть крокодила. Всем весело. Было действительно смешно.

Ироничность являлась чертой Рубцова. Я думаю, она помогала ему соотнести его внутреннее мироздание с трудной, противоречивой действительностью. Он будто проверял иронией, так ли это, как предлагается думать, делать и т. д. И позднее в его творчестве, особенно в ранних стихах, это чувствуется. Как будто он решает, действительно ли сочинённое им — настоящая поэзия. Ирония — это свойство и народной поэзии, сказок... А у Пушкина?! То есть, как известно — признак ума.

В аудитории Рубцов чувствовал себя довольно свободно, сидел обычно на задней парте. По моим предметам к нему претензий не было. По другим случалось всякое.

Помнится такой случай. Я пришла в аудиторию на перемене. Группа была, как растревоженный улей. Оказалось, что преподаватель очень резко отозвался по чьему-то поводу, не ожидая, видимо, отпора. Возник конфликт. Возможно, это был тот случай, как вспоминают, когда Рубцов бросил в преподавателя тряпку. Я никогда не видела Рубцова ни дерзким, ни грубым. Такое могло случиться, только если его сильно задели. Молчать он бы не стал. Мне сейчас трудно восстановить всё точно, но что запомнилось: уходя, преподаватель забыл на столе свою тетрадь, на обложке которой стояло — 1936 год. Это ещё больше подогрегло ситуацию: с учащимися требовали по всей строгости, а преподаватель пользуется такими старыми конспектами.

Уже тогда было ясно, что Рубцов обладает недюжинным творческим даром. Он писал стихи в стенгазеты по разным поводам, насколько помню — весна, Новый год — и, кажется, рисовал. Однажды на Новый год написал нам с Людмилой Михайловной Хрисановой, с которой мы одновременно приехали в техникум, дружили и жили в одной комнате, весёлое праздничное поздравление — странички полторы стихами. Очень жаль, что не сохранилось.

Не знаю, были ли тогда уже написаны какие-либо стихи Рубцова, которые потом вошли в его сборники. Думается, он ещё не был уверен, что написанное им — это серьёзно, что это — уже хорошие стихи.

В его литературных способностях никто не сомневался. Но я считала, что для жизни необходима профессия, и пыталась внушить это Рубцову. Позднее, в очень трудный период его жизни, он и сам сожалел, что у него «нет специальности», как он писал одному из своих адресатов. А вообще-то, сложилось всё так, как должно было сложиться у большого поэта. Не смог бы он работать маркшейдером.

Уход Рубцова из техникума был для меня неожиданным, и должна сказать — огорчительным.

Я вернулась с зимних каникул из Ленинграда. В группе меня предупредили, что собираются все вместе сфотографироваться, поскольку один из мальчиков уходит в армию (на фотографии он острижен). Все собрались. Я спрашиваю: а где Рубцов? Мне отвечают: уезжает. Как уезжает? Я ещё не знала о решении педсовета. Хотела поговорить с Рубцовым, зашла в общежитие, но разговора не получилось, он был очень замкнут. Видимо, к тому времени Николай уже решил, что продолжать учёбу нет смысла. Его тоже ждала армия, вернее — флот, так что моя идея о необходимости профессии не возымела действия.

После этого Рубцова я уже больше не видела. Переписки тоже не было. Получила только его единственное письмо, наверное, из Приютино, где он был у родственников. Писал (точно мне трудно припомнить) что-то об очень тяжёлых настроениях, ждал повестку из военкомата. Вскоре его должны были призвать на службу.

Впервые я прочла стихи Н. Рубцова в журнале «Юность» — у меня до сих пор хранятся две вырезки за 1966-й и 1968 годы с подборками рубцовских стихов. В них — «Ночь на родине», «Купавы», «Синенький платочек», «Ты с кораблём прощалась», затем — «Русский огонёк», «В горнице», «А между прочим, осень на дворе». Одну из подборок мне прислала Л. М. Хрисанова. Тогда, в 1966 году, это было

потрясение! Такие шедевры! Столько вкуса и мастерства! И это — Николай Рубцов, которого мы знали в горном техникуме юношей! Конечно — восхищение, удивление, радость за него.

Я стала искать его книги. У меня появились «Душа хранит», «Сосен шум», «Подорожник» и сборник стихотворений Рубцова в серии «Поэтическая Россия», «Посвящение другу», а затем — «Волны и скалы» и «Собрание сочинений в трёх томах», которое мне подарила Валентина Дмитриевна Зинченко. От неё я узнала очень многое о творчестве и трудной судьбе поэта. Валентина Дмитриевна сообщила (это было лет шесть тому назад), что Рубцов посвятил мне свой первый (рукописный) сборник стихов «Волны и скалы», который готовил для поступления в Литинститут. Для меня это было потрясающей неожиданностью. Я восприняла это как важное событие в моей жизни, как знак признания, что ему запомнился техникум, уроки литературы, разговоры в общежитии.

И конечно, было очень горько узнать в январе 1971 года о его безвременной кончине. (Некролог в «Литгазете» тоже хранится у меня с тех пор.)

Это горькое чувство до сих пор окрашивает всё наше знание о нём, о его стихах и жизни. Очень грустно, что такой талантливый поэт не смог найти в нашей действительности опору для нормальной жизни и работы.

Поэт убит. С этим до сих пор невозможно смириться. Но, к счастью, его стихи — с нами. И надо радоваться, что у России есть такой замечательный поэт. Нам досталось от него огромное духовное богатство, бездна красоты, любви к людям, к миру, к Родине. И надо ещё много трудиться, чтобы постичь всё это, воспринять душой, и тогда его творчество будет бессмертным.

Дон. — Ростов-на-Дону. — 2007. — № 1.

* * *

Добрый день, уважаемый Николай Трофимович!*

Прежде всего хочу сказать несколько слов о Вашей статье в книжке «На вершине земли Кольской». Не верится, что Вы не филолог, не литературовед. Написано замечательно, с удивительным проникновением в творчество Н. Рубцова. Такая ясность, твердость, поразитель-

---

* Письмо М. И. Лагуновой написано Н. Т. Ефремову.

ная логика! Спасибо Вам. Жаль, что прочесть ее могут не очень многие. Или она публиковалась где-то еще? Чувствуется, что Рубцовские чтения — в хороших руках.

Я показала Вашу книжку в журнале «Дон» (я там много лет работала) гл. редактору Виктору Сергеевичу Петрову. Он как опытный журналист и очень серьезный поэт (он очень интересуется Рубцовым) сказал, что хорошо бы, если бы Вы подписали книжечку непосредственно читателям нашей Областной публичной библиотеки (связь Север—Юг. Ростов ведь здесь считают «Южной столицей») и может завязаться переписка. Так что, если возможно, сделайте такую надпись или, может быть, подпишите следующую книжку.

И еще могу сообщить, что журнал «Дон» опубликовал мои воспоминания о Николае Рубцове. Сейчас я должна сделать ксерокс и Вам послать. (№ 1, 2007 год).

Теперь постараюсь конкретнее о Вашем письме. Вы спрашиваете, жили ли мы с Людмилой Михайловной /Хрисановой. — *Н. Е.* /в общезнании? Это слишком мрачное представление о техникуме тех лет. Мы занимали комнату в трехкомнатной квартире в центре, две другие занимали преподаватель техникума А. И. Морозов с женой. Квартира была просторная с огромной ванной, кухней и т. д. И потом, если бы мы хлопотали, подождали, настаивали, то получили бы отдельные, однокомнатные. Как было у К. С. Ивинской. Но мы были молоды, дружили, и нас это устраивало.

Техникум был создан под эгидой богатого комбината «Апатит», профессиональную подготовку здесь получали хорошую. Само здание было прекрасное: большие светлые аудитории, просторные рекреации, где стояли столы для пинг-понга, специальные кабинеты, отличная библиотека, которая получала пачками новые книги (мы с Людмилой Мих. помогали их «осваивать»), зрительный зал, спортивный зал (двухсветный), столовая. В 1954 году вошло в строй новое хорошее общежитие. Что касается материального положения студентов, то ведь они никогда не жили вольготно. Разгружали ли вагоны? Я думаю — да, как делали во все века. Когда я училась в университете, наши студенты тоже разгружали, а на лето нанимались на рыболовные суда в Архангельске и являлись в сентябре в университет с этикими «шкиперскими» бородами, очень довольные. А ещё каждое лето студенты на месяц ездили строить колхозные ГЭС, это уже бесплатно, и все рвались туда, было престижно!!! Как это все понять сегодня, не знаю. Но я тоже ездила два года.

Новое общежитие, куда в ноябре 1954 г. студенты переселились из деревянных барачков

Стоит ли вызывать жалость к поэту? Я думаю, он не был слабым человеком, и уверена, что все эти внешние условия его мало заботили, он знал обстоятельства потруднее. А во-вторых, все студенты испытывали те же трудности.

Вы пишете «барачная общага». Конечно, звучит мрачно. Но при желании любое общежитие можно назвать «общагой», а во-вторых, уже в 1954 году студенты переселились в новое общежитие. И с самого нашего приезда речь об общежитии шла на каждом педсовете, и все считали недопустимым, что студенты живут в таких условиях. Правда, я помню, девочки умели и то общежитие украсить занавесками, дорожками, подушками. То есть — народ был довольно стойкий, что естественно для молодых.

Дорогой Николай Трофимович, берегитесь влияния перестроечной пропаганды. Пишут: «Ужас! Заставляли копать картошку!!!» А дома ведь многие копали свою картошку и ничего ужасного в этом не видели. У меня сохранилась фотография: техникум на картошке, я орудую тяпкой, в отдалении работает Г. Г. Бобырев. Ведь кроме всего, это имело отношение и к воспитанию.

Забавно. Как со временем смещаются понятия. О размере стипендий и возможностях денежных я, конечно, не помню, но думаю у Вересова — достоверно, он же пользовался архивами.

Помню, что столовая в техникуме была очень приличная. Зимой периодически появлялись салаты из свежих огурцов и зеленого лука и, конечно, не в теперешних ценах: под Кировском процветало мощное с/х предприятие с парниками и т. д., которое обслуживало город. Тогда как-то умели это делать. Кстати, «на картошку» мы ездили как раз туда, правда, не очень часто.

Преподаватели тоже обедали в техникумовской столовой. Насколько я помню, часто были блюда из оленины. Снабжение в городе было нормальное, помню овощной подвальчик, где овощи, любые, стоили копейки, яблоки были круглый год. И это — в Заполярье. А весной на грунтовый аэродром под Кировском периодически прилетали самолеты. Говорили — с Украины. И в магазинах города несколько дней продавалась клубника, не частниками, а в магазинах. О чём-то это Вам говорит? Пусть конкретный эпизод, но все же ...

Я думаю, студенческая жизнь техникума была тогда в общих чертах нормальной. Стоит еще сказать, что студенты имели форменную одежду горного ведомства, а детдомовцы, как я помню, — бесплатно (кажется, кроме обуви). Есть фотография, где Н. Рубцов в горняцкой форме. И. Юшкин вспоминает его в черной форменной шинели и белом кашне.

Николай Трофимович! Чтобы ответить на все Ваши вопросы о Николае Рубцове, я действительно должна бы жить в общежитии и видеть его изо дня в день. Я же видела его два-три раза в неделю на занятиях и еще, по-моему, раз в месяц как классный руководитель в общежитии, где обычно все сбегались в комнату, куда я приходила, и велись разговоры обо всем-обо всем.

Вы спрашиваете, как я относилась к Рубцову-студенту. Поскольку я была словесником, у меня, естественно, вызвали одобрение его ответы по литературе, абсолютная (!) грамотность и явные способности к творчеству; он писал стихи в стенгазеты, рисовал.

Держался Рубцов довольно независимо и, вообще, был сложившейся личностью.

Думаю, главное, что происходило в нем в те годы — становление, возмужание, перелом к взрослой жизни: он выбрал творчество. А трагедия в том, что судьба готовила ему еще четыре года (!) службы на военном корабле в северных морях. Очень трудно у него сложилась судьба!

И по-настоящему печально то, что мы не успели узнать тогда его стихов, наверное, он считал, что они ещё не готовы. И, слава Богу, теперь мы их знаем. Нам остается его поэзия, и это главное, по моему.

Николай Трофимович, я думаю, на многие Ваши вопросы я ответила, какие-то отпали сами собой, что-то о Кировске тех лет Вам стало яснее. Может быть, впредь смогу что-то ещё добавить. Пишите, только очень прошу, — не так мелко, кучно, плотно, а то, когда я начинаю читать Ваше письмо, у меня кружится голова и опускаются руки. До конца Ваше письмо я так и не освоила (у меня ещё плохо со зрением).

Посылаю также, как Вы просили, последнюю книгу моего мужа, писателя, летчика-фронтовика Петра Васильевича Лебеденко «Холодный туман».

Шлю Вам привет и самые добрые пожелания в преддверии майских праздников, Дня Победы.

С уважением М. И. Лагунова
20.04.07

Публикуется впервые.

Воспоминания Е. Рогозиной, Е. Савкиной и Е. Смирновой о совместной учебе с Николаем Рубцовым

Прошло 50 лет после окончания техникума, я второй раз приезжаю за это время в Кировск и Апатиты. И воспоминания об этом времени снова всколыхнули мою память. Я безмерно благодарна всему, что связывает меня с этим периодом.

10 августа 1953 года, окончив 7 классов в глухой деревне Архангельской области, я приехала в Кировск сдавать вступительные экзамены в горно-химический техникум. Хорошо помню общежитие на Нагорном переулке: деревянный барак, комната на 11 человек, печное отопление, вода на улице из колонки.

Поступать я решила на маркшейдерское отделение. Почти все, кто подавал документы на это отделение, плохо представляли себе будущую специальность. Пожалуй, решающее условие, которое определило выбор техникума и группы, — это довольно высокая стипендия: I курс — 285 рублей, II курс — 315 рублей, III курс — 360 рублей, IV курс — 390 рублей (у обогатителей на 100 рублей меньше). По крайней мере, для меня это был самый главный аргумент, потому что помогать мне было некому, а на эту стипендию можно было тогда учиться. Мы, дети, пережившие военные лишения и послевоенные трудности, больших требований и не предъявляли. Пожалуй, так же думали многие из тех, кто поступал тогда в техникум. Вот так, наверное, в нашей группе оказался и Коля Рубцов, воспитанник детдома. Он тоже не мог рассчитывать на чью-либо помощь.

Успешно сдав экзамены, мы начали осваивать эту трудную науку — маркшейдерию.

В самом начале учебы Коля Рубцов отличался кругозором, знанием житейских проблем, какой-то романтикой от него веяло. Особенно тогда нас поражало его увлечение поэзией. Он очень много читал наизусть стихотворений Есенина, Блока, свои стихи читал.

В техникуме был предмет русский язык и литература. Его вела замечательный преподаватель и необыкновенно душевный человек Маргарита Ивановна Лагунова. Она была классным руководителем в нашей группе. Вот она сразу и заметила увлечение и талант Николая Рубцова. Её мнение, её оценка сочинений, стихов наверняка повлияли на дальнейший выбор жизненного пути Николая Рубцова.

Мы так ждали первые каникулы, как только сдали последний экзамен — сразу домой. Мы ехали поездом Мурманск—Вологда: я и Евгений Ивановский — в Архангельскую область, а Лида Виноградова, Женя Савкина и Коля Рубцов — в Вологду. Экзамены за первый курс сданы, мы — студенты второго курса, впереди лето, настроение отличное, как будто у нас крылья выросли. Всё располагало к откровению. И мы, все трое, могли признаться Коле Рубцову, если не в любви, то в том, что он нам очень нравится. И Коля мысленно был где-то далеко от нас. Только спустя много лет, прочитав статью А. Никитина, я

Одногруппницы Н. Рубцова: Е. Савкина (слева) и Е. Рогозина (стоит)

поняла, куда торопился Коля Рубцов. После окончания первого курса летом 1954 года он спешил к своей «белой берёзке», к Тане Агафоновой, на выпускной вечер.

Уже на втором курсе Николай понял, что маркшейдерия — это не его дело, и ушёл. Вот, к сожалению, такое короткое знакомство было у нас в группе маркшейдеров с Николаем Рубцовым.

Евгения Коршакова (Рогозина).

Хибинский вестник. — Кировск. — 2009. — 12 февр.

* * *

Очень трудный был этот период — первые курсы в нашей жизни, особенно в материальном плане и как следствие — в психологическом: выдерживать недоедание, недосыпание, нам все время хотелось спать в полярную ночь, отсутствие возможности купить какую-нибудь одежду. Хотя стипендия была и довольно большая, её всегда не хватало. И мы ходили разгружать вагоны с картошкой, с капустой, чтобы заработать хоть какую дополнительную копейку. А ведь мы были несовершеннолетние дети четырнадцать-пятнадцать лет, не по годам повзрослевшие. Как мы радовались, когда нам выдали форму: шинель, китель, юбка (брюки), ботинки. Это решало многие проблемы.

Но что характерно, из всех этих трудностей мы не делали трагедии. Мы были счастливы тем, что мы студенты (мы считали себя студентами) такого авторитетного техникума.

Мы организовали кружки художественной самодеятельности, выступали с концертами, занимались в лыжной секции, в секции гимнастики, ездили на соревнования по лыжам на Праздник Севера в Мурманск, в Москву — на первенство МХП, в Свердловск. И все это благодаря большому энтузиасту в физкультурной работе — преподавателю Александру Михайловичу Шубину. У меня и сейчас хранятся почетные грамоты с результатами тех соревнований.

Мы верили в прекрасное будущее, у нас были высокопрофессиональные преподаватели, наставники. Бесконечно благодарна всем: А. П. Касимовой, Н. И. Обшиваловой, В. И. Павлову, А. М. Морозову, А. Е. Глушенко. Особое признание классному руководителю — Маргарите Ивановне Лагуновой, преподавателю по маркшейдерии — Борису Федоровичу Калинюку и руководителю производственной практики — Петру Михайловичу Судиловскому, который в то время работал старшим маркшейдером Кировского рудника, а в Солигорске — генеральным директором п/о «Беларуськалий».

В Солигорске, в объединении «Беларуськалий», работали восемнадцать выпускников КГХТ, многие продолжили учебу в вузах. Все они — высококвалифицированные специалисты, уважаемые люди. Многие награждены Почетными грамотами объединения, правительственными наградами. КГХТ — это наш университет!

Я горжусь тем, что рядом со мной были всегда очень хорошие люди. Благодаря им я стала вроде бы неплохим маркшейдером, училась нести ответственность за все, что делала в жизни. По направлению техникума я проработала маркшейдером в г. Кара-Тау — 3 года, а затем в Солигорске на первом руднике — 30 лет, после чего меня избрали освобожденным председателем профкома рудника, где я проработала 12 лет. Вот такую путевку в жизнь дал мне наш Кировский горнохимический техникум. Ныне ХТК.

Евгения Коршакова (Рогозина).

Публикуется впервые.

* * *

Сейчас я — Савкина Евгения Константиновна, а в те годы была просто Женя Савкина, тоже из Вологды, училась вместе с Николаем Рубцовым на 2-м курсе маркшейдерского отделения КГХТ всего несколько месяцев.

Ах, если б тогда мы знали,
Что рядом с нами поэт живет,

Мы б столько сейчас рассказали,
А не наоборот.
Никто в нем тогда не увидел поэта,
Ни тот, кто учился, ни тот, кто учил.
И каждый, пожалуй, в ответе за это,
Хотя в оправданье есть много причин.

Даже когда мы встречались группой в год 50-летия техникума, многие не знали, что поэт Николай Рубцов — это Коля Рубцов из нашей группы. Теперь-то я понимаю, что он по жизни был не на три года старше, а на порядок выше по развитию. Запомнился он в белом кашне с всегда грустными глазами, вдумчивым взглядом. Зимнюю сессию завалил — и был отчислен. Есть у него такие строки:

Улетели листья с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность.

Да! Не встретился ему в свое время тот, единственный человек, который бы пожалел его нежность. К сожалению.

Женя Савкина, Январь, 2000 г.

Публикуется впервые.

* * *

...Ведь уже прошло столько лет, мы все изменились, но:

Душа свои не помнит годы,
Так по младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы.

Это то, с чем не поспоришь, и только остается удивляться, как проникновенно можно об этом сказать! Моему мужу очень нравились его стихи, даже больше, чем С. Есенина. А я с юности влюбилась в есенинские стихи, всегда пела их: «Клён ты мой опавший...»

А теперь вот есть песни на Коли Рубцова стихи, и я пою: «Я буду долго гнать велосипед...» или — «В горнице моей светло, это от ночной звезды...».

Так романтично! Я вспоминаю также, как за партой мне он говорил: «Смирнова, ты в профиль похожа на птицу». А я ему отвечала: «Слушай лекцию» (без злобы). (Мне тогда писал мальчик из детского дома Валя Г., он в Мурманске после окончания профучилища работал шофёром...)

Потом Коля Рубцов писал о нас с Катей Филипповой в стенгазете: «Две подружки, две болтушки...» — незлобивые такие стихи. Мне кажется, он ко мне относился больше с жалостью. Иногда на Новогоднем балу приглашал на танец. Я была «золотой рыбкой» в маске. А он сделал мне замечание, что для такой маски нужна красивая улыбка. А я ответила, что не буду улыбаться. На лекции по минералогии так рядом со мной своими карими глазами впивался в минералы, что меня это даже удивляло и сейчас помню этот взгляд, проникающий просто в душу!

А сейчас смотрю в окно, в сад, он весь в ярких красках и опять его стихи вспоминаю:

...И только от бывшей печали, быть может,
Нет-нет да и вспомнится вдруг, затревожит,
Что осень, жар-птица, вот-вот улетит...

А ещё мы однажды с ним опаздывали на лекции и спешили по железной дороге, а по бокам были высокие сугробы. Должна была идти электричка, и мы боялись, что нам негде будет разминуться. Он меня обо всём расспрашивал, я же ему в ответ говорила: «Смотри, какое северное сияние», и мы любовались им по дороге.

В этом мы оказались похожими, ведь он тоже из детского дома. Я прочитала все его стихи, у меня есть сборник «Подорожники». Его привезла из Кировска Галя Ф. и подарила его мне, я сама его попросила у неё...

Все стихи и о России деревенской, и о природе, о цветах, ягодах, птицах, о зиме, об осени просто очень ярко написаны, по-философски, призывают к размышлению обо всём. Вот сейчас осень и сразу можно представить, зная его, как он ходит, наблюдает за простыми явлениями, за людьми, за такими, как Филя, могилки, ведь его матушка рано умерла. Но он не озлобился. Моряк. Столько написал о море, о его силе и стихии. Даже о листьях на деревьях:

Улетели листья с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалей ты листья, не жалей,
А жалей любовь мою и нежность!

Бывало — в общежитии все спали, а он сидел и нам романы рассказывал. Видимо, в море была хорошая библиотека, и он зачитывался. Коля Шантаренков писал, что они ставили о Николае Рубцове постановку. Как жаль, что его не уберегла жена, так нелепо он погиб, вот такие все поэты — непохожи на других.

Но мы будем помнить, ценить, что в юности соприкоснулись с таким человеком, и я приветствую деятельность о сохранении памяти о нём.

Евгения Смирнова. Выпуск Кировского горно-химического техникума, 1957г.

Публикуется впервые.